

КРАЖА

Т.В.СНЕГИРЕВА*

Со времени этой истории прошел не один год. События уже отделились от тех, кто их переживал, отошли в прошлое, утратив былую остроту и болезненную значимость, и сами герои, переболев ими, сложили их с себя, как тяжелую ношу, которая покоится теперь где-то в самых глубоких пластах их опыта. Но как психотерапевтический опыт случай, положенный в основу данной статьи, не только не исчерпал своего значения, но снова и снова заставляет возвращаться к себе, став выражением характерных тенденций, для развития которых в нашей сегодняшней действительности есть, как видно, какая-то особо питательная почва.

В моей психотерапевтической практике это был один из первых случаев подросткового воровства (ныне их – уже череда), точнее, того особого варианта этого явления, когда слепая детская безжалостность по отношению к близким, сочетающая тяжкий нравственный, а нередко – и материальный урон, сопровождается целым рядом каких-то достаточно очевидных нелепостей, не поддающихся сколько-нибудь удовлетворительному объяснению с позиций здравого смысла.

Как правило, в психологию данного явления включена общесемейная реальность. Поэтому закономерно, что толкование случая строится на основании так называемого системного семейного подхода в психотерапии. Основоположники этого направления (M.Bowen, J.Haley, S.Minuchin, V.Satir, C.Whithaker и др.) рассматривали семью не просто как констелляцию индивидуальностей, связанных узами родства, а как целостную систему, где никто не болеет в одиночку. Симптом психологического неблагополучия ребенка под этим углом зрения воспринимается как ключ к «общесемейной боли», как своего рода **сообщение** о кризисных процессах, которыми страдает вся семья. Одно отличие: насколько детское неблагополучие очевидно, настолько стоящая

---

* *Снегирева Татьяна Васильевна* – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психотерапии и психологического консультирования Психологического института РАО, детский и семейный психотерапевт.

за ним общесемейная дисфункция – закамуфлирована, скрыта в глубоких тайниках семейной жизни. И естественно, этот всегда досадный детский недуг, причиняющий столько неудобств взрослым, не был бы так упорен, если бы в каком-то смысле не являлся нужным, «полезным» для семьи как целостности, не «работал» бы на нее, то есть не обладал бы некой «условной желательностью», удерживая семью от распада и в то же время позволяя сохранить status quo дефектных отношений, ничего в них не меняя.

Сколь бы сильно подобные семьи ни отличались друг от друга, их объединяет общая черта, проявляющаяся в том, что супруги, да и остальные домочадцы, говорят, думают, рассуждают, даже веруют на одном уровне, а взаимодействуют, чувствуют, переживают – на другом, что образует как бы скрытую инфраструктуру их жизни. На эту территорию и должен проникнуть терапевт, пользуясь «ключом» симптома, доверенным ему клиентами.

Но, что закономерно, стоит ступить на эту заповедную территорию и попытаться углубиться в ее пределы, как сразу же обнаружится, что так далеко нас не звали. И дальше каждый шаг психотерапевта может наталкиваться на сопротивление взрослого состава семьи или кого-то из наиболее влиятельных домочадцев. И всегда остается вопрос, как далеко можно заходить, взаимодействуя с семейной реальностью, спрессовывая в кратком количестве встреч тот психологический опыт, на приобретение которого сама жизнь отводит обычно медлительные месяцы и годы.

Итак, герои истории: тринадцатилетний подросток Гриша (он же – Гоша и Гарик), его мать – Ольга Николаевна, отчим – Георгий Львович (в дальнейшем – О.Н. и Г.Л.) и

младший сын, остающийся за «кадром», – Левушка.

Формулируя жалобу – периодическое воровство старшего сына в семье, которое в самое последнее время начало выходить и за ее пределы, – супруги подчеркивали не только его хронический характер, но и какую-то особую порочность: даже будучи маленьким, когда поступки мальчика никто в семье еще не решался назвать своим именем, Гоша воровал, прежде всего, у тех, с кем его связывали отношения наибольшего доверия и близости.

«АТЛАНТИДА»

Из протокола:

Т. (терапевт): Не могли бы Вы припомнить, какие события происходили в семье накануне того самого первого эпизода, с которым Вы теперь связываете начало Гришиной проблемы?

Г.Л.: Да ничего такого как будто не происходило. Ну, Ольга развелась, – Вы знаете: наш брак повторный, – и вошла в нашу семью. Все, абсолютно все тогда еще было нормально.

О.Н.: Если не считать развода, который оставил очень тяжелый

след.

Т.: Этот след тянулся за Вами...

О.Н.: Нет-нет, я постаралась сразу же все оборвать.

Т.: То есть, Вы как бы поставили точку – в жизни своей, а, возможно, и сына.

Г.Л.: Ну, какая там «жизнь» – у ребенка трех лет!

Итак, Грише было около трех лет, когда в его жизни произошел крутой поворот.

Второе замужество явилось для Ольги осуществлением ее самых заветных желаний. Отряхнув с ног прах прежней жизни (таково было негласное ожидание Г.Л., которое она интуитивно угадывала: отношения с первым мужем и его семейным окружением должны быть прерваны), она с головой окунулась в начало новой. Старый московский дом, большая сплоченная семья, где каждый человек интереснее и самобытнее другого, радушное родственное гостеприимство, интеллигентная атмосфера. Ольга была встречена с такой сердечной простотой, словно ее давно ждали. Вместе с сыном.

Гриша получил новое имя: Гоша. Все изменилось в его жизни. Другая квартира, новые папа и бабушка, даже мама стала чуть-чуть иной. Конечно, она по-прежнему оставалась самой любимой, самой нужной, но теперь все-таки не самой близкой. А совсем близкой, своей, повседневной и привычной, стала Наташа, сестра нового папы. Она забирала его из садика, читала вслух сказки из старых разноцветных книжек, играла с ним, поила и кормила.

И вот именно у Наташи однажды пропали ее ручные часы. Их искали по всему дому. А когда от безнадежья поисков отчаялись и решили выбросить из головы досадную потерю, часы объявились. Их вручила девушке воспитательница Гоши. В полном изумлении она рассказала, как во время прогулки, прихватив лопатку, малыш проследовал в дальнюю часть детсадовской площадки, где что-то закопал. Раскидав холмик рыхлой земли, она обнаружила там часики с остановившимися стрелками.

Часы... Символ времени, его необратимого бега. Если исходить из идеи, что в символе заложен самый дух того состояния или явления, которые он выражает, то, зарытые в землю, они, скорее всего, означают невозвратно ушедшую часть жизни.

Нам остается только гадать, так ли это. Действительно ли причудливый поступок мальчишки был сообщением о печальной вехе его внутренней жизни – о том, что в его крохотной биографии внезапно образовалось огромное Прошлое: все, что до известного момента и составляло его «всамделишную» жизнь, вдруг перестало быть реальным, отсеклось от Настоящего, обратилось непрерывной лентой воспоминаний, поселившихся в его сердце и никуда из него не исчезающих. Могло ли бессознательное ребенка, в

необходимости донести до окружающих всю боль и необъяснимость

переживаемых утрат, подсказать ему язык, опережающий достижения детского разума? Иначе говоря, могла ли резкая перемена в судьбе связаться с часами – одной из древнейших и наиболее значимых эмблем, заложенных в генетической памяти человека, с часами, что входят в сознание ребенка с первых лет его жизни, по мере узнавания предметной среды дома, разглядывания картинок к первым детским книжкам, где всегда находится место их изображению? А может, все проще и, взяв часики Наташи (на месте которых могли бы оказаться ее ручка или колечко), мальчонка бессознательно известил своего нового друга, что утратил нечто столь же бесценно-дорогое? И, наконец, совсем простая гипотеза: часы на руке Наташи напомнили другие – на большой руке отца, а вместе с этим образом – все, что с ним исчезло. Мы не узнаем, какая из перечисленных версий верна. Только почему-то именно часы стали значимым символом в «криминальной» хронике Гриши. И к какой бы из гипотез мы ни склонились, в любом случае, взяв часы, в форме этого «чудовищного поступка», он доверил той, кто больше остальных была к нему добра, свою заветную тайну.

Но благая, извещающая суть поступка осталась для всех скрытой. Обескураженная случившимся, мать Гоши восприняла грех малыша с чувством испуга и стыда. Всем другим случай показался хотя и странным и чем-то даже чужеродным, но мало ли чего не случается с детьми! Гоша единодушно был прощен.

Помимо прямого и главного смысла – сообщения о коренной жизненной утрате, история с часами содержала еще одно свидетельство. Она неявно указывала, что на скрытой внутренней арене семьи проживаемый жизненный сюжет развивается в формах, неизмеримо более сложных, чем на внешней, и что решения, которые принимаются по ее поводу, слишком просты и примитивны. Понятно, что имеется в виду. При всей спаянности ребенка с матерью, при всей неотторжимости его внутреннего мира от материнского, даже трехлетний человек в известной мере автономен. Разрыв супружеских отношений не означает автоматического разрыва отцовско-сыновних и более широких семейных связей, в которые малыш был включен с первых дней появления на свет и которые наверняка казались ему столь же надежными и прочными, как и весь земной мир. Иначе говоря, случай содержал в себе предупреждение: простота, с которой разрешалась психологически сложная ситуация, хрупка, ущербна, чревата новыми и новыми сложностями, возврат которых едва ли не фатален.

Поэтому не столь уж удивительно, что по прошествии примерно семи лет, когда Гоша уже стал школьником, эта первая пропажа, напомнив о себе, отразилась в новом потрясении. Одним из самых почитаемых в семье членов была бабушка, прожившая столь же значительную, сколь и трагичную жизнь (двадцать лет лагерей). Двигаться она не могла, видела слабо, но живой интерес к жизни сохранила полностью, и Гоша, раньше

других возвращавшийся из школы домой, ухаживал за ней – следил за программой телевизионных передач, поил чаем, иногда даже читал вслух газетные и журнальные статьи. У Наташи, старого товарища, появились собственная семья и ребенок, оттеснившие Гошу на периферию ее жизни. Внутренняя близость с отчимом, едва завязавшись, зачахла; мама, хотя и была по-прежнему любимой, отдалялась, особенно после рождения брата, и бабушка стала чем-то вроде товарища по одиночеству.

Однажды, после ставшего ритуалом чтения вслух, Гоша сделал то, что так и не смог объяснить никогда – ни себе, ни другим: тайком взял часть ничтожной ее пенсии, открыто лежавшей на книжной полке. И даже не потрудился утаить взятое, как бы не представляя, что делать с этим богатством. Пропажа обнаружилась. В силу вступили моральные категории и оценки. Они были тем более убийственны, что «чудовищный поступок» Гоши последовал непосредственно за щедрым и бескорыстным – бабушкиным: она получила небольшой гонорар за свою книжку и, конечно, растратила его на других, подарив, в

частности, Гоше – часы. Опять часы. И все повторилось. На подарок бабушки он ответил своим «подарком».

Все были возмущены. Гоша плакал: «Почему я только не умер!» И лишь сама пострадавшая, владевшая ключами ко многим тайнам жизни, хранила спокойствие. Она оборвала шумные дебаты одной фразой: «Хватит осуждать. И не торопитесь наказывать. Его просто надо больше любить». Казалось, требуется одно небольшое душевное усилие, рывок сознания, чтобы добраться до золотого семечка смысла. Что же это такое в ребенке, почему – «зло, которого не хочу, делаю?» Но нет, ничего такого не произошло, слова бабушки были отнесены к ее неземным уже великодушию и доброте и услышаны не были. Пошумели и в жизненной суете утихли до следующего всплеска событий.

Вскоре бабушка умерла. Ее подарок поначалу бережно оберегался Гошей. Но с наступлением напористой подростковой поры был незаметно утрачен. Гоша недолго горевал. А и в самом деле: надо ли, можно ли что-то хранить, раз жизнь состоит из утрат, куда более значимых, чем просто часы, и, возможно, утрачивать дорогое – это и значит жить?

ТАЙНАЯ ВОЙНА

Из протокола:

Г.Л.: В нашей жизни теперь постоянно присутствуют два момента: мы либо расхлебываем случившееся, либо ждем, что вот-вот что-то случится еще.

Т.: Говорят, если, упорно чего-то ждать, то непременно дождешься.

Г.Л.: У нас другой случай, когда говорят, что человек либо психически нездоров, либо просто глуп.

Т.: То есть, Вы убеждены, что причина – в самом Грише.

Г.Л.: Ну не в нас же, в самом деле!

Хотя бы раз семья должна прийти на сессию в полном составе: здесь в непродолжительные часы терапевтической встречи она будет в характерных для себя формах продолжать ту же самую жизнь, какой обычно живет дома, и для семейного диагноза не потребуются специальных диагностических средств.

Они вошли, и сразу же, с порога, их пути разошлись, завершившись точной оппозицией: Гоша сел в самой отдаленной точке небольшого круга, образованного стульями и креслами, а родители – точно напротив.

С первых же реплик каждый проявился в своей, как видно, обычной, устойчивой роли. Гоша: говорит медленно, неохотно, слегка заикаясь, заторможенно, как сомнамбула, голосом глухим, лишенным выражения, не отрывая глаз от пола (если вообще говорит). Г.Л.: напротив, многословен, быстрая речь льется без остановок, иные слова, как стук молоточка, успевают повториться дважды, а то и трижды; в разговоре стремится удерживать инициативу даже вопреки ограничениям терапевта, продиктованным желанием услышать всех членов семьи. О.Н.: подстраивается, слабым эхом вторя мужу; даже когда ее реплики вступают в противоречие с тем, что утверждается им, надо применить усилие, чтобы распознать различие, настолько оно стерто слабой, лишенной жизненной силы интонацией.

Поскольку Гоша – аутсайдер, начинаю с него, тем более, что он, говоря профессиональным языком, – «носитель симптома», или «идентифицированный пациент». Несмотря на то, что беседа наша не отличалась интенсивной динамикой, привожу почти документально обширную выдержку из протокола встречи: в нем затруднительно поставить точку, оборвав в семейном рассказе о симптоме ту «дурную» бесконечность, с которой, как видно, он нарастал и в жизни.

Т.: (отчиму, прерывая его речь): Я вижу, Вам не терпится продолжить разговор, но позвольте мне поговорить вначале с Гошей. (Гоше): Как ты сам воспринимаешь те вещи, о которых здесь говорилось? Может, отец и мама в чем-то не точны, и в твоих глазах события выглядят иначе?

Г.: Нет, я так не считаю (ничего не выражающим голосом).

Т.: То есть, ты согласен со всем сказанным. А тогда... ты сам как-то объясняешь себе эти поступки – находишь им причины... или для тебя самого все это остается необъяснимым, словно все это наваждение какое-то?

Г.: Скорее всего, нахожу причины (размеренно и глухо, глаза опущены).

Т.: Может быть, мы смогли бы с тобой вспомнить какой-либо из случаев – на выбор?

Г.: ...

Т.: Я понимаю, что для тебя этот разговор связан с большим напряжением; скорее всего, тебе вообще хотелось бы его избежать. Но

без твоего участия наша встреча обречена на неудачу. (Долгое молчание). Я тебе оценок за поведение ставить не буду; отчитывать тебя – тоже не моя задача...

Г.: Скорее всего, о случае с этими часами...

Т.: ...подарком бабушки?

Г.Л.: (поспешно): Ой, Вы знаете, я вмешиваюсь, он, конечно, сам все это может воспроизвести теперь только с чужих рассказов, я Вас уверяю. Н-нет, Гоша, уж пожалуйста, выбери что-нибудь посвежее. Ну, я не знаю, можешь ты рассказать хотя бы о событиях лета? (Терапевту). Это самое последнее.

Т.: (Гоше): Ты принимаешь это предложение?

Кивок головой и снова – молчание.

О.Н.: Это целая история. Мы ходили в поход с одной семьей... Прекрасные люди, прекрасно к нам относятся и перед нашим возвращением в Москву они пригласили нас переночевать к себе в дом...

Т.: Мне бы хотелось услышать все от Гоши...

Г.: ...Я взял у них сто рублей.

Т.: «Взял»...

Г.: Когда открывали стол, я нечаянно увидел в ящике деньги.

Т.: Нечаянно... увидел. И у тебя созрел план?

Г.: Д-да...

Т.: И ты его осуществил... Уже тогда ты собирался потратить их на что-то конкретное?

Г.: Мы с классом уезжали на юг...

Г.Л.: В тот же день. Мы вернулись утром, а вечером он уехал...

Т.: У тебя не было денег?

Г.: Их не доставало...

Т.: А разве нельзя было открыто обсудить это с родителями?

Г.: ...

Т.: Что проще – чужие деньги или разговор с близкими?..

Г.: Они все равно не дали бы.

Т.: Может быть, с кем-то из них можно было поговорить...

Г.: Не вижу разницы. Они ни за что не дали бы.

Т.: И раз так, ты решил взять сам.

Г.Л.: Они ехали на все готовое. Им дали консервы. За жилье не надо было платить – они жили в школе. Учительница сказала – рублей сто, мы дали сто пятьдесят...

Т.: То есть, со своей стороны, Вы как будто все надежно рассчитали... И вдруг такая неожиданность...

Г.Л.: Да какая там неожиданность! Мы даже не удивились, когда раздался звонок с места событий. Я сразу же признал: да, деньги взял он, без сомнений...

Т.: Вы не сомневались...

Г.Л.: Ни малейшим образом. На следующий день Гоша должен был

звонить, и я ему без лишних церемоний сказал: так и так, ты эти деньги привези, пожалуйста, назад. Твой «долг» пришлось вернуть.

Т.: Вы решили быть твердым до конца... Гоша, а ты пытался представить, что там происходит – дома, после звонка, что испытывала мама, что – отец?

Г.: Не знаю... не знаю даже... Скорее всего, никакой разницы между ними не было (глухо, замедленно). Позвонили им, и они сразу же передали мне...

Т.: И, кроме этой немногословной разборки по телефону, по твоему мнению, ничего иного не было. Так?

Г.: Скорее всего...

Т.: Давай спросим маму, что же было на самом деле...

О.Н.: У меня было такое чувство... такая паника, что... что... Нам просто страшно с ним жить...

Т.: «Нам». Лучше, если каждый будет говорить только о своих чувствах: Вам страшно жить...

Г.Л.: Ну, меня-то прежде всего возмущало и возмущает, что он даже не раскаивается... Спросите, как он отреагировал на мою просьбу?

Т.: И как же?

Г.: Я их истратил, эти деньги (со стыдливой усмешкой по своему поводу).

Г.Л.: Он все равно их истратил! Несмотря на мое предупреждение!

Г.: (впервые с живой эмоцией, сглатывая слова): Их уже нельзя было вернуть, большая часть ушла в общую кассу! И потом все ушло на еду. Нам там надо было самим готовить. У нас даже кастрюль не было, даже чайника!..

Т.: Ты хочешь сказать, что денег оказалось в обрез... Так ли я поняла, что это как бы снимает с тебя вину?

Г.: Я с себя вины не снимаю...

Т.: Я не точно выразилась... Можно сказать, что ты как бы берешь родителей в долю: дескать, поступи они иначе – и «события лета», возможно, не имели бы места. А? И становится легче...

(Гоша плачет и на время выходит из комнаты).

Возникло четкое ощущение, что парень словно бы наказывает за что-то своих родителей, и деньги – лишь средство свести с ними счеты. Все-таки не самоцель, нет. Но реальность семьи все еще оставалась за семью печатями. И казалось, что чем глубже мы погружаемся в многочисленные, мельтешащие, «бухгалтерские» подробности, тем дальше удаляемся от какой-то простой и ясной сути. И чем дальше удаляемся, тем сильнее чувство, что вот-вот через все противоречия и заторы, наконец-то, она откроется нам, эта искомая суть. Но пока эмоции хлестали через край... Не остановить. Тем более что возможность говорить законно была получена главой семьи.

Следующая выдержка по-своему интересна. В ней со всей прямоотой

обнаруживает себя приверженность к такому способу осмысления событий, в основе которого лежит предметная, рациональная ориентация сознания, привитая всем нам с детства и развившаяся в ущерб интуиции. В изложении событий мои собеседники придерживаются внешней, фактической стороны дела. И если при этом вдруг, ненароком, выходят за границы фактов, затрагивая внутренний план происходящего, то и здесь сохраняют расчетливо-прагматический угол зрения. Эта рассудочная, здравая «проницательность» никак не прибавляет нам ясности и понимания.

Г.Л.: Вы думаете, это все? Нет, накануне известного Вам теперь случая была целая цепочка совершенно ужасающих ситуаций.

Т.: То есть, летний эпизод был своего рода финалом.

Г.Л.: Понимаете, довольно долго все было как-то бездоказательно, пока однажды... В общем, в итоге мы, наконец, его поймали.

Т.: В этом «наконец» слышится что-то вроде разрядки... после длительного напряжения...

Г.Л.: ...мы обнаружили, что он роздал, а, скорее всего, распродал массу наших кассет...

О.Н.: Распродал (как эхо)... хотя он все отрицал и даже плакал.

Т.: Плакал и отрицал?..

Г.Л.: Дескать, не распродал, а подарил. Он нашел замечательную формулу: «подарил»! Понимаете, какая разница? Когда продал – можно расторгнуть сделку и потребовать вещь обратно, а подарил – тут ведь и сказать нечего. Нельзя же пойти и сказать, что вот, мол, отдавай обратно.

Т.: И при такой расчетливости что-то заставляет Гришу плакать!

Г.Л.: Что такое слезы? С него все это как с гуся вода!

О.Н.: Да, это так... абсолютно... как с гуся!

Г.Л.: Кроме кассет, пропала бутылка водки, которую мы совершенно не пьем...

О.Н.: ...никогда даже и близко не выпили...

Г.Л.: И тут мы устроили дознание. «Где водка?» – «Я не брал». Вот тогда я выставил его из дома.

Т.: Вы решились на такой экстраординарный шаг!

Г.Л.: Да, я потребовал: «Иди и принеси!» Вернее: «Пока ты не расскажешь, как было дело...»

Т.: Вы решили любой ценой дознаться до правды.

Г.Л.: Да, здесь важен принцип!

О.Н.: Кончилось все тем, что Гоша уехал к бабушке, матери моего первого мужа...

Г.Л.: Словом, наутро его привезли, «бедненького». Но я сказал прямо: «Я тебя не пущу! Ты так явно врешь!» И не помню, то ли снова его выгнал, то ли нет...

Т.: Звучит так, словно это довольно-таки обычное дело – выгнать из

дома.

Г.Л.: Но что же делать? В общем, тут он рассказал жалобную историю о том, как встретил в магазине некоего мальчика, о котором знает только, как его зовут, ни фамилии, ни где живет или учится... И вот этот мальчик говорит: «У меня день рождения!» А наш Гоша: «Я хочу тебе сделать подарок!» Идет домой, берет бутылку водки из моего шкафа и дарит.

Т.: Эта история кажется Вам чем-то вроде рождественской сказки для простаков.

Г.Л.: Так оно и есть...

О.Н.: Но сам Гоша на этот день рождения не пошел, несмотря на приглашение...

Т.: Все-таки Вы склонны отнестись к этой истории как к подлинной. Вы верите в нее...

О.Н.: Я уже и не знаю, верить или не верить, просто говорю с его слов... (В комнату входит Гриша).

Т.: Правильно ли я поняла, что большинство случаев имело место в границах семьи, а не за ее пределами?

Г.Л.: К счастью или к несчастью, не знаю, – да.

Т.: И мне показалось или это действительно так, что расчет в них присутствует далеко не всегда?

Г.Л.: Да он иногда выглядит просто дураком, извините! Вот предпоследняя история. – Гоша очень медленно говорит, и чтобы сберечь Ваше время, расскажу я. Он взял у младшего брата импортную машинку. Причем, ему уже запретили конкретно эту вот машинку брать, прямо подвели и сказали, что ее брать нельзя.

Т.: После чего он, конечно, ее взял...

Г.Л.: Представьте себе, да. Вы совершенно правы. Но вряд ли Вам пришло бы в голову, что случилось дальше: он обменял ее на солдатиков, не каких-нибудь там импортных, дорогих, редких, а самых простых, с широкого прилавка...

Солдатики на арене этой домашней войны именно и не хватало. Но символический смысл «сделки», как и других аналогичных поступков, проступает не сразу. Это задним числом все становится прозрачным. А в пылу беседы он остается скрытым под наплывом фактических подробностей и бытовизмов. В данном случае в первую минуту, действительно, больше всего озадачиваешься абсурдностью обмена: в 13 - 14 лет солдатика – запоздалая игрушка. Но именно такого рода несуразность – важный сигнал, требующий включения интуиции.

Т.(Гоше): Что же ты собирался делать с этими солдатиками?

Г.(тихо, в сторону): Играть...

Т.: Играть?!.. Ну, что ж, играть так, играть... А брат как прореагировал на твой обмен?

Г.(чуть ли не с обидой): Он и не заметил. Да у него всего такого много... И потом, эта машинка – моя. Была, во всяком случае...

Т.: Твоя... Память детства, такая ретро-игрушка. И ты почему-то решил, что она стала лишней.

* * *

Мы уже отмечали, что рассматриваем особый вид ныне сравнительно часто встречающегося и многозначного явления детского воровства – тот его вариант, который отмечен наличием глубокого психологического дна. Особенность данного варианта выступает, как мы видели, в ряде характерных черт. Как правило, воровство в этих случаях возникает и разворачивается сугубо на семейной почве, редко выходя за рамки семьи. Нередко оно бывает привязано к какой-то определенной фигуре, даже если затрагивает другие лица из семейного окружения (как в нашем случае, где главным «пострадавшим» чаще всего оказывался отчим, хотя в число «жертв» побочно попадали и другие – сестра, бабушка, а под конец и друзья семьи). Большинство случаев характеризует подчеркнутая непрагматичность, материальная заинтересованность проявляется далеко не всегда, перечеркивая самое себя (отдал приятелю спиртное, а участия в празднестве не принял, редкостную машинку променял на ширпотребного солдата – «лошадь – на веревку», как не без яда заметил отчим, а украденные деньги, не утаивая, «сбросил» в общую кассу). У подростка, вопреки самому акту воровства, сохраняется чувствительность к моральным категориям: совершая злодеяние, он страдает (вспомним Гришино: «Почему я только не умер?»); хотя со временем эта чувствительность способна истаивать, остается понимание неизбежности кары. Этот вид воровства напрямую не связан ни с какими криминальными и полукриминальными подростковыми структурами (даже будучи изгнанным из дома, Гриша отправляется к родным, а не в компанию сверстников). И последнее. Во всех своих конкретных проявлениях оно символично: оставаясь воровством, оно не является только им по своему главному назначению.

Удивительно, что наше логическое мышление, сталкиваясь с подобным явлением, проскакивает мимо всех его, казалось бы, очевидных, даже нарочитых странностей, списывая все непонятное, не согласующееся с логикой и здравым смыслом, на счет дурашливости, глупости подростка, его недоразвитости, инфантильности, и хуже – нравственного уродства или психического нездоровья.

Терапевтическая стратегия на этих первых шагах работы с семьей – учитывая неординарную сложность явления и следуя известному психотерапевтическому принципу

«малого шага» – остается на уровне того раннего этапа в становлении детской и семейной психотерапии, когда она строилась на анализе взаимодействия собственно в диаде «родитель-ребенок». Хотя с высоты

минувших лет недостаточность, некоторая облегченность данного подхода очевидна, он не утратил практической ценности, хотя и самого подготовительного характера.

В русле этого направления было выработано одно золотое предписание, адресованное взрослому: «Не позволяйте себе втягиваться в борьбу, которую провоцирует ребенок. Победителем в этой борьбе все равно окажется он». При этом убедительно раскрывается, что бороться с ребенком (подростком), то есть настойчиво стараться «исправить» его поведение – значит лишь подкреплять те ложно выбранные средства, с помощью которых он стремится достичь своей цели. Оптимальная стратегия определяется формулой: «Не бороться и не сдаваться». Взамен непосредственного, «полевого» реагирования предлагается овладение особым языком, на котором «говорит» ребенок, взаимодействуя со взрослым, – метафорическим языком его поступков. Рассматривая действия ребенка в качестве своего рода зеркала, в котором можно увидеть свое отражение, родитель с большей легкостью сможет понять собственные промахи и ошибки. И если чей-то отпрыск растаскивает и прячет у себя в тайниках лично отцу принадлежащие вещи (ручки, фломастеры, перочинные ножички и отвертки), скорее всего, ему не достает участия родителя в его жизни; разбазаривает, пускает их по ветру – возможно, взрослому надо задуматься, насколько постоянны его чувства к ребенку, не было ли резкой перемены в их проявлении, и т.д. Следующий шаг, дополняющий первый: всматриваясь в зеркало собственных чувств, вызванных действиями ребенка, учиться понимать, чего от вас добиваются. Если взрослый раздосадован назойливой прилипчивостью ребенка – скорее всего, последний ищет внимания; если вы раздражены, чувствуете себя так, словно кто-то посягает на вашу личность, нарушает дистанцию, – значит, ребенок отчаянно нуждается в вас, жаждет вашего действительного присутствия в его жизни; если возникает чувство, что вы унижены, уязвлены, – не исключено, что поведение подростка направляется убеждением, будто он существует для своих близких только тогда, когда может «достать» их, больно задев, возможно даже, он ищет «реванша».

В семьях, где в отношениях не практикуется открытость, где возможность выразить свои чувства и мысли связана для подростка с переживанием страха и сомнений, жизнь с большей вероятностью будет направляться бессознательным, выражая себя в смысловой многозначности поступков ребенка.

Подобный подход позволяет клиентам перейти с чисто событийного, поверхностного уровня в восприятии совместной с ребенком жизненной реальности на внутренний, психологический и дает «инструмент», применение которого облегчает осуществление этой задачи. И главное – становится ясным, что причина отклоняющегося поведения подростка кроется не в особенностях его личности, не в нем самом, она – в том пространстве внутрисемейных, межличностных отношений, где границы

между поступками одного и поступками другого стерты, а существует лишь их связь и взаимная зависимость. Не случайно в самом последнем – «летнем» – эпизоде, наиболее серьезном и опасном из всех, Гриша, не отдавая себе в том отчета, «делит» ответственность за случившееся с родителями (вспомним протокол беседы – берет их «в долю»). Уже здесь, правда, пока еще неразвернуто, в самой общей форме, полупанамеком, выступает своя мораль: если не извлекать уроков из случившегося, а бежать и бежать по кругу, не придавая значения тому, что каждый раз обнаруживаешь себя все на том же, знакомом уже месте, беда будет лишь накапливаться, приобретая все более жесткие формы, пока не заставит каждого задуматься о своей роли в случившемся. Но с полным основанием говорить об этом пока преждевременно.

Когда, завершая встречу, мы попробовали взглянуть на события под этим углом зрения, стараясь прояснить смысл каждого из случаев, в ее атмосфере произошел перелом: страсти схлынули, злость и раздражение утихли, суждения приобрели большую объективность. Вспомнилось, что личность Гриши имеет светлую сторону. Он, по «определению», оказался обладателем редких достоинств.

Г.Л.: Надо признать, Гоша проявляет иногда совершенно необычную даже заботливость.

Т.: То есть, в семье ощущается его забота.

Г.Л.: Надо признать, да. Например, зная, что Ольга возвращается с работы усталая, он начистит картошку, сварит ее, сделает пюре и укроет. А когда она приходит, подает ей горячее пюре.

Т.: По-моему, здесь каждое действие усилено последующим.

Г.Л.: Да. И это не все. На него можно оставить маленького ребенка. Он ухаживал за братом практически все его детство, пока того не отдали в детский сад...

Т.: ...был братом-няней, братом-родителем.

Г.Л.: На него, как Вы знаете, можно было оставить бабушку 80-летнюю.

О.Н.: Ну, там-то, по правде говоря, не так уж много от него требовалось...

Г.Л.: Не много, но он был совершенно определенно заботлив. Все, кто с ним знаком, знают, что он добрый парень... Да, такое вот (растерянно).

О.Н. (с неожиданной для нее горячностью): Так **определяют** его люди, которые его знают, – в семье такое мнение о нем у всех. И все так его определяют, независимо друг от друга. Даже удивляются, сравнивая с другими сверстниками.

(Здесь каждое слово – на вес золота и каждая фраза – диагноз).

Т.: Можно подумать, что Гоша ненарочно предлагает образец отношений, показывает, как можно любить и заботиться, словно приглашая к тому же...

О.Н.: Очень похоже. Мне эта мысль тоже приходила в голову. Мне

даже совестно, что не могу ответить тем же, и времени не хватает, и голова другим занята...

Т.: То есть, он не достигает цели.

Г.Л.: И ведь все одновременно – и то, и это...

Они ушли немножко другими, сравнительно с самими собой в начале встречи. Но надо ли говорить, что довольствоваться достигнутым было более чем преждевременно: известно, как недолговечны изменения, происходящие с людьми в психотерапевтическом кабинете, как эфемерны они перед лицом тех глубинных оснований, из-за которых симптом неблагополучия ребенка приобретает тяжкое, хроническое течение.

Наши предварительные гипотезы пока еще не вышли на уровень системных. Следующая ступень в работе предполагала расширение картины симптома, понимание скрытых внутрисемейных связей, обусловивших не только его возникновение, но и развитие. Ясно, что мы вступаем в опасную зону, где психологическое сопротивление участников истории естественно и неизбежно.

ОТЕЦ

Из комментария к генограмме:

Т.(к О.Н.): Как Вам кажется, что изменилось бы в Вашей жизни, если бы с Гришей все было в порядке?

О.Н.: В моей жизни? Наверное, ее можно было бы считать более счастливой...

Т.: То есть Вы чувствовали бы себя более счастливой...

О.Н.: Чувствовала? Сама жизнь была бы более счастливой!

Т.: Значит, сейчас...

О.Н.: Я уже говорила, что мне становится страшно жить...

Известно, что гештальт взаимоотношений, воспринятый в родительской семье, как

правило, наследуется детьми и, когда те становятся взрослыми, переносится в собственные семьи, во многом определяя их дальнейший жизненный «сценарий». В этом смысле родительские «гнезда» каждого из супругов, героев нашей истории, являли собой полярности.

Родительская семья О.Н. относилась не просто к интеллигентному, а, можно сказать, к элитарному слою Подмосковья: отец – руководитель научно-исследовательского центра, видный специалист в новейшей научной области, мать – директор техникума. Оба были энтузиастами своего дела, людьми долга. Для каждого работа – не просто вопрос занятости или даже призвания, а основное жизненное пространство, «родной дом», где они тратили себя, не щадя сил, не замечая времени. А семья – уже второе по значению, место передышки, где можно отойти от дел, никогда, впрочем, не отрываясь от них полностью, вспомнить, наконец, что у тебя есть дети, обменяться словом.

И у детей (их двое: старшая – дочь, младший – сын) жизнь строилась по тому же образцу – заполненная без остатка: школа, отличная учеба, бурная общественная работа, кружки. Хотя особой свободы им не давали.

Взаимоотношения в семье – спокойно-суховатые, без проявлений нежности, которых – даже дети – стеснялись. И отец, и мать – оба отличались авторитарностью. Но в способности «передавливать» матери не было равных (из генограммы: «Т.: Вы страдали от этого в детстве? – О.Н.: Да, очень. Едва вступив в сознательный возраст, я очень хотела иметь собственный дом...»).

Ольга вышла замуж в первый раз, едва окончив школу. Это был пристойный способ бегства из родительской семьи, от ее связывания и давления.

Семья Г.Л., напротив, была устремлена не вовне, а внутрь. Большой смешанный межнациональный «клан», где не один человек оказался жертвой репрессий, а некоторые – навсегда затерялись в сталинских лагерях. Мать Г.Л. – полусирота, расставшаяся со своими родителями в детстве и вновь обретшая собственную мать, когда у самой стали взрослыми дети.

В истории этой семьи детей – непосредственно своих или состоящих в родстве – не различали: всех и каждого старались окружить заботой, оберегая от суровых ударов судьбы. Семейная близость рассматривалась как гарантия безопасности перед лицом внешнего мира. И от поколения к поколению здесь поддерживался миф о силе материнской любви: ребенок получал тепло и поддержку матери с первых дней, сохраняя ее на протяжении всей жизни.

В такую семью попала Ольга. И сразу захотела принадлежать ей целиком, не представляя, впрочем, не умея, не зная практически, что это такое, когда ты принадлежишь и чтобы тебе принадлежали, как это делается и чего это стоит. Весь опыт, почерпнутый в собственной семье, был «не про то». Она просто лишилась собственного голоса, тем более, что таким-то навыком уже владела, и отодвинула, отрекаясь, от себя все, что здесь не воспринималось как свое и близкое, – разумеется, семью первого мужа, затем и родительскую семью, хотя в общем-то никто от нее ничего такого не требовал.

Как уже говорилось, к ней и к ее малышу в новом доме все отнеслись с предельным радушием. Однако, задним числом, в состоянии отрезвляющей рефлексии она понимала, что даже в самые безоблачные минуты не чувствовала себя вполне надежно. Причиной этой подтачивающей изнутри неуверенности была история сближения с мужем, которая как бы задала «программу» их последующих отношений.

Из материалов генограммы:

О.Н.: Признаться, я очень его любила. Он меня – значительно меньше. Ну, как нередко бывает... И между нами все это так до сих пор и продолжается. Мы учились в одном институте, и его просто нельзя было

не заметить, такой он... ну, несколькими порядками выше всех других – и способностями, и интеллектом, и культурой...

Т.: Это для Вас всегда было главным.

О.Н.: Да, я очень ценила, да и ценю до сих пор, эти качества в людях... Тем более, что с моим первым мужем мы были такими разными...

Т.: Он этими качествами не обладал...

О.Н.: Какое там... Я всегда была отличницей, хорошо учиться в нашей семье считалось само собой разумеющимся; а он – самый заурядный троечник. Когда я садилась за учебники, свекровь удивлялась: «Зачем учить? Вот мои сыновья не учат, а все равно учатся».

Пересматривая опыт своих отношений с Г.Л., холодно-аналитически препарирруя воспоминания, О.Н. подчеркивала все, что способно доказать: никогда и никакого влечения с его стороны к ней не было, а была только милостыня. Очень молодой, незрелый, он благодарно позволял ей любить себя; ввел в свой дом – а что другое оставалось? Разрыв отношений с первым мужем и его семьей был безумно тягостен, от родительского дома ей было отказано (родители – убежденные противники разводов), а в семье Г.Л. как-то все привычно подвинулись, освободив место для нее и маленького Гоши. В этих воспоминаниях она отвергала даже самую возможность самостоятельного сердечного выбора со стороны Г.Л., подчеркивая равнодушное радушие своего избранника: «Живи себе!»

Но видимость благоденствия в семье длительное время еще сохранялась. Первая, едва ошутимая трещинка наметилась, когда родился младший сын. Для молодого отца – свой, собственный! Никто и никогда в семье не различал старшего и младшего, собственного и несобственного. Г.Л. различал. Не мог не различать. Только наблюдая, как он носит на руках, как играет, как разговаривает, как целует и обнимает малыша, Ольга понимала, что это такое, когда ее муж любит, каким он бывает, когда в самом деле любит. Может, он любил за двоих? И за нее – тоже? Ведь она-то, холодно-нежная, сдержанно-милая, рациональная даже в эмоциях, так чувствовать, а главное – так щедро и открыто выражать свои чувства не умела.

Может, инстинктивно она и Гошу «делегировала» на все те «участки», где требовались забота и сердечность, потому что у нее таковых в запасе не находилось? Гоша, действительно, и брату нянькой был, и прабабушку больную опекал, что-то нужное добирая в этих отношениях и отдавая так много, что обычную детскую, школьную жизнь наладить уже не успевал, да и беззаботности не хватало...

А потом в жизни молодой семьи произошло то, что Г.Л. с корректной уклончивостью называл «охлаждением отношений», а Ольга – «ужасной правдой», заставляющей ее испытывать чувства ревности, неуверенности, унижения, отчаяния, опустошения, нелюбви к себе и самоотвержения.

Таким образом, все эти кассеты, бутылки, машинки – отнюдь не единственная и далеко не самая важная из «пропаж», имевших место в семье наших героев. Если теперь мы заново взглянем на развитие Гришиного неблагополучия под углом зрения этой «семейной правды», то главное, что теперь увидим, – историю утраты Отца, имеющую начало, середину и конец. А вещи – это лишь то, в чем он (отец) проявлялся, что было согрето его интересом, служило материализацией его пристрастий, содержало в себе частицу его личности, кусочки его самого, которые удавалось урвать, и с помощью которых становилось возможным как-то «достать» его.

Из материалов генограммы:

Т.: Мне бы хотелось, если бы Вы согласились, попробовать подвести сейчас своего рода счет, сколько же раз Гриша как бы лишился отца в своей жизни...

О.Н.: (с недоумением) Сколько раз?

Т.: По сути, не буквально...

О.Н.: Никогда не думала в таком плане... Ну, первый раз, когда разошлись... Тут же, можно сказать, и второй – потому что некоторое время отец Гоши приезжал повидаться с сыном, потом эти визиты прекратились. И необратимо, наверное, – уже с момента его второй женитьбы.

Т.: То есть родной отец – это что-то вроде фантома: о нем известно, что он существует, но его нет, хотя незримо он все-таки присутствует.

О.Н.: И, должно быть, именно это вот «незримое присутствие» заставляет Жоржа (мужа) проезжаться на его счет, неизменно при Гоше, дескать, ой-ой-ой, это такая серость, которую в массе в подмосковных электричках видишь...

Т.: Так сказать, последний штрих к потере...

О.Н.: ...Потом, когда родился Лева, и любовь к нему целиком захватила мужа... Знаете, такого сына, как наш младший, легко любить, такие рождаются на счастье. Вот сейчас Гоша, ко всему прочему, стал плохо учиться. Мы взяли репетитора. Но он имеет репетитора и имеет двойки. А младший уроки делает сам и больше, чем нужно, после чего проверять пятистрочное домашнее задание просто смешно. Так что это не случайно, что в семье он так любим всеми. Ну, а отец, конечно, боготворит его сверх всякой меры...

Т.: Возвращаясь к эпизоду с машинкой, в свете всего сказанного Вами можно ли предположить, что, забрав ее и обменяв, Гоша не просто промахнулся, что это гораздо больше, чем просто промах...

О.Н.: ...конечно, если смотреть такими глазами... В эту машинку они когда-то вместе играли, все это так живо в памяти.

Т.: И вот что осталось, во что все превратилось, если попробовать принять солдатиков не только в качестве дешевой игрушки. Где солдаты, там и война, истребление...

О.Н.: Нет, этого не может быть, чтобы такое значение, это просто совпадение, у меня не укладывается в голове... Это так тяжело, что я не могу любить Гришу, как раньше!

Известно, природа целостного семейного организма такова, что напряжение и боль в одних его звеньях непременно получают отзвук в других. Возможно, личная мальчишечья драма Гриши не приобрела бы столь интенсивного характера, если бы не была усилена переживаниями матери. Когда работаешь с семьей, всегда остается четкое чувство, что информационный обмен между членами семьи происходит без слов, на энергетическом уровне и действует почти индукционно. Семейный «треугольник» начинает свою безупречную работу. Третий, самое чувствительное звено в семье, – и это, конечно, ребенок – вовлекается в «игру», которой захвачены супруги. Он и жертва, и отщепенец, наносящий семье урон. И ее спаситель... Потому что, страдая, стыдясь, негодуя, преследуя, браня его, эти двое, утратившие чувство внутренней связи, снова оказывались вместе, сплоченные бедой, чувствующие единение и единомыслие, как никогда. И каждый раз, когда напряжение между ними нарастало, оно неожиданно, на самой границе взрыва, получало разрядку, поводом для которой служил этот невыносимый подросток, опять что-то натворивший. В подобных случаях каждый получал свою «выгоду». Отчим мог излить раздражение и стряхнуть с себя чувство вины за то, что дом ему опостылел; мать, «подставляя», предавая сына, обретала возможность в этой решающей для себя ситуации доказать беспредельную преданность мужу (на языке ролей – она могла быть женой только тогда, когда переставала быть матерью – одно в ущерб другому; на языке смыслов – ее преданность была «неразборчивой» и потому переходила в «предательство»); как странно, что «преданность-предательство» – общего корня слова, которые совсем смешиваются в прилагательном «преданный»: то ли кому-то предан, то ли кем-то предан). Своя «выгода» была и у главного героя, то бишь «носителя симптома»: наконец-то он получал столько внимания, им так неусыпно занимались, что количество этого внимания с лихвой окупало качество. Так называемая «кольцевая», «циркулярная» причинность, где нет начала и конца, а только взаимные переходы, зависимости и «пусковые» ситуации, получала здесь полное выражение.

Но катастрофа нарастала. Вымещая на пасынке кипевшее в нем раздражение и ловя себя на том, что опускается до роли какого-то агрессивного злодея, Г.Л. переживал тягостное чувство вины. Рушился старинный семейный миф о родительской любви, гарантированной ребенку. Он становился формулой, неудобной для совести и потому все более оттесняемой из сознания. Источник этого конфликта Г.Л. видел в Ольге и, получая ее преданную поддержку, отдалялся от нее все дальше.

Возможности анализа случая с позиций избранной нами психотерапевтической школы здесь близятся к своему исчерпанию. Тем не

менее, остается чувство, что полученная картина, понимание явления все еще далеки от возможной полноты. Что-то едва ли не главное осталось за рамками текста. И даже если бы мы попытались обогатить наш анализ дополнительными штрихами, взглянув на сюжет, соединяющий действующих лиц истории, в психоаналитическом ракурсе и увидев здесь все составляющие, достаточные для того, чтобы позволить себе вынести заключение о формировании личности мазохистического склада («холодно-суровое» материнское начало, «аннулированная» фигура отца, «бьющий персонаж» – отчим и самая «жертва», мазохистский герой), то и тогда это чувство неполноты не прошло бы, давая о себе знать едва ли не с большей силой. Потому что в стороне остался некий конкретно-исторический культурный пласт, определяемый нашим местом-временем и понижающим его смысл.

Но прежде – еще одно – последнее свидетельство: рисунок «Моя семья», над которым Гриша работал в перерывах первой сессии. Мы считаем его едва ли не самым важным в ряду других свидетельств, поскольку рукой рисовальщика здесь управляет подсознание, а у детей оно нередко оказывается намного более прозорливым, чем их формирующийся разум.

МЕЖДУ ДОБРОМ И ЗЛОМ

Из комментария к рисунку:

Т.: Это кто – с книгой в руке? Папа? Что он делает?

Г.: Он уходит...

Взгляд на комнату и тех, кто в ней находится, включая самого автора, дается словно с «птичьего полета» – сверху и чуть наискось. Лучшего ракурса для обозрения не придумаешь: «наискось» – «со стороны», то есть прямо-таки будто из авторской своей «внезаходимости» и только в этой позиции открывающейся истинной «высоты» (бессознательное, принимая на себя функцию сообщения, нередко пользуется образами с опорой на привычные языковые фигуры).

Первое, что хотя и выполняет служебную роль, тем не менее, не может остаться не отмеченным, – предметная, материальная основа дома, представленная на рисунке до мельчайших подробностей. Узорчатые пятна ковра на полу, громоздкая пестрая тахта, письменный стол с раскрытой книгой и тетрадями, чуть сдвинутое в сторону кресло, как бы зовущее присесть. А надо всем – Окно: теплые оранжевые занавески по краям и открывающаяся за стеклом даль. Если бы не этот прозрачный прорыв в воздушные просторы (деталь, выдающая в авторе подростка), семейный «портрет» оказался бы намертво замкнутым в квадрате интерьера.

Сам по себе квадрат характеризуется свойствами стабильности, прочности, определенности и поэтому подразумевает материальность (или рациональный интеллект). Маленький семейный мир, погруженный в

вещную среду... И другой штрих, многократ

ным повтором призывающий не пропустить его: в фигурах персонажей рисунка, начертанных карандашом, лиловым фломастером выделены головы. Общесемейная черта – интеллект, рациональность, рассудочность. Тем же фломастером подчеркнуты удлиненные рты – слова, слова, потоки слов... Вещное и рациональное, доминирующее в культуре нашего времени, в лаконично-образной форме выделено и здесь – как два начала, составляющие фундамент и дух семьи.

Композиция фигур. Она выстроена с тем ненарочитым соответствием диагнозу, которое тем более поражает, чем сильнее превосходит рефлексивные возможности подростка.

Соединяясь между собой, персонажи рисунка образуют конфигурации двух треугольников, имеющих общее основание. Треугольники не равнозначны по величине. Первый, расположенный ниже, – компактен (его углы у основания образованы фигурами матери и отца, верхний – младшего сына): короткая графическая дистанция между фигурами – знак психологической близости; второй – неравномерно вытянут вверх и чуть скошен в сторону, к левому краю листа (и здесь у основания – те же родительские фигуры, а далеко отстающую вершину образует изображение самого автора). Если последний треугольник принять за широкое основание семейной пирамиды, то на ее высоте окажется фигура младшего из братьев. Это и есть его реальное место в семье: существо одаренное, по семейным меркам – богоподобное, нежно оберегаемое всеми, младший остается пока над конфликтом. Но, так или иначе, «ребенок», как в первом, так и во втором случае, актуально или пока потенциально, «триангулирован», то есть включен в провода супружеского конфликта, находится под его током.

Теперь – о динамике фигур, которая читается не только по их взаимному расположению, но и начертанию каждой из них. Не упущена ни одна из тех мимолетных мелочей телесного языка, с помощью которых передается устойчивая вязь семейных отношений.

Хотя фигура автора в известном роде доминирует над другими, оставим ее напоследок: сюжет, зафиксированный на рисунке, не с автора начинается, а, скорее всего, – с отца (он изображен внизу листа, крайним справа). Отец берет книгу с письменного стола, и, как прокомментировал автор, «уходит». Отдаляется, отстраняется, вот-вот его здесь не станет... Книга большого формата, с обозначенными линеечками строчек. В перспективе рисунка отец изображен впереди письменного стола, то есть ниже, и когда он «берет» книгу, то одновременно словно поднимает ее вверх – как знак, как знамя (еще один штрих, подчеркивающий верховенство интеллектуального начала в семье).

Фигура младшего сына – поворотом туловища и всем контуром изображения – дублирует отца: маленький его двойник, повторение.

Мать изображена к зрителю спиной: закрыта, недоступна, отрешена.

Окаменелая поза: поднятые, словно в ознобе, плечи, руки тесно прижаты к телу, ладони свернуты в кулачки – скована, напряжена, недоступна для общения. Она стоит там, где положено быть двери, отсутствующей на этом рисунке: у выхода, на страже.

И, наконец, ключевая фигура – автора. Гоша нарисовал себя в каком-то невероятном изломе: одновременно анфас и в профиль, в движении и покое. Ноги несут его, грешного, в сторону от своих – влево (назад, в прошлое), куда он устремлен поворотом головы, а также – опережающим движением правой руки; другая же рука, левая, и плечо развернуты в противоположную сторону – крестом. Бежит, словно позади – погоня, спеша скрыться, а может, и скрыть что-то, поспешно спрятать. Руки распахнуты, грудь широка от переполняющих ее чувств, желания любить и быть любимым. Все здесь спорит одно с другим: анфас и профиль, бег и стояние, желание скрыть и раскрыться... Распят между добром и злом. И еще множество красноречивых деталей: пуговицы по оси тела и маленький, выделенный цветом кармашек на груди с точкой-пуговичкой – неистребимая

память младенчества, слитность с матерью, неизжитая зависимость от нее и давняя неутоленная потребность в ее любви. А руки не в меру длинные и хваткие, пальцы-шипы живут как бы своей собственной жизнью, неподвластные контролю (у остальных, по контрасту, ладони аккуратно свернуты гладеньким неухватистым клубком; правда, телесные символы многозначны, поэтому, наряду с вышеприведенным, напрашивается и другое их значение: все той же отграниченности от других членов семьи, сдержанности в отношениях, неполноты общения, трудности его реализации; да ведь и в реальности семьи обе эти характеристики выступают рядом).

В телесный язык рисунка можно всматриваться и дальше, так и не исчерпав его смыслового богатства... Так, отмеченная выше избыточная детализация в изображении предметной среды дома вступает в противоречие с не достигающим необходимого количеством пальцев на руке: желание наладить ситуацию целиком, удержав все ее детали, сталкивается с чувством собственной своей немоготы, бессилия, недостатком опыта и умения.

И последний образ: фигуры братьев на рисунке поддерживаются какой-то символической опорой под ногами. С одной стороны, это всего лишь узор комнатного ковра, но в фантастической реальности рисунка – то ли островок в океане жизни, свой собственный у каждого из братьев, то ли опора, позволяющая удержаться на быстрине ее течения... Только младший стоит на своей опоре прочно, ровно посередине, уверенно, а старший едва удерживается на краю, теряя ее, ускользящую из-под ног.

...Мы рассматривали этот рисунок долго, стараясь не упустить ни одной детали. Каждый делился тем, что видел и как понимал увиденное. Когда картина обрела некоторую ясность и стрелка проблемы качнулась от

Гриши к супругам и там замерла, Г.Л. воскликнул с чувством, близким к испугу: «Что же тогда делать?» Центральной проблемой закономерно стало – не то, как избавиться от симптома, а что супруги будут делать независимо от симптома, перестав использовать подростка в качестве средства, позволяющего регулировать собственные отношения, кто больше всего пострадает в этих новых условиях, и к какому выбору они придут – сохранят ли себя как супружескую пару, и что будет служить основой этого решения и т.д. и т.п. Это все довольно обычные «ходы», которые использует семейный терапевт в работе с клиентами.

Но и тогда останется вопрос: ну и что? Суть ведь в том, что историю жизни подростка уже не перепишешь: что было, то было; и что единственное его спасение теперь в том, чтобы дистанцироваться от своих близких, отделиться, найти ресурсы в себе самом. В более мягкой, более обычной жизненной ситуации этот шаг в терапии, смысл которого – содействие переструктурированию внутрисемейных ролей и позиций, отвечает некой закономерной неизбежности, обусловленной тем, что семья, как и человек, развивается, проходя через смену этапов; все, что каждый из домочадцев теряет, с чем расстается на этом перевале жизни, соизмеримо с приобретениями – обещаниями наступающей поры. В нашем случае потери несоизмеримы ни с чем, ничем не могут быть компенсированы. После них ребенок остается с ощущением онтологической пустоты.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

*«Собирайте, собирайте, собирайте
дух... Смотрите – он весь рассыпался»*

В.В.Розанов

Перечитывая В.В.Розанова, одного из ярчайших представителей «серебряного века», в чьем творчестве проблема семьи образует центр всех его философских и богословских размышлений, вдруг натолкнулась на сильно озадачившую меня фразу: «Семья есть самая аристократическая форма жизни». Слово «аристократическая» выделено курсивом. Но и этого автору показалось мало. И он подчеркнул в отдельном повторе: «единственная

аристократическая...»¹.

Формировавшая нас культурно-историческая реальность за 70 с

¹ В.В.Розанов. О себе и жизни своей. М., 1990, с.94.

лишним лет социального экспериментирования с семьей и человеком подвела сознание миллионов людей к той черте, за которой многое в текстах литератора и мыслителя, подобного В.В.Розанову, долго еще будет восприниматься как духовная экзотика. В стремлении добраться до смысла приведенного выше изречения я обнаружила такое понимание самых основ семьи, рядом с которым известные в психотерапии и используемые нами прикладные теории семьи кажутся лишенными духовного ядра. Но это – отдельная большая тема. Здесь придется ограничиться самой сутью.

Так вот, «единственно аристократическая» – это к тому, что именно семья, по мысли писателя, есть некий идеальный образ отношений – и не только между людьми, которые ею связаны, но и между человеком и Богом. Этот крохотный земной очаг, в котором и взрослые, и дети находят свое прибежище, он рассматривал как то «единственное место», где горит «неисчерпаемый огонь творчества» – «личного творчества» человека. Вся глубина и значительность смысла последнего, масштабы, в которое оно вписывается, становятся ясны, когда мы узнаем, что творческую силу семьи писатель связывал с мистической тайной пола, таинством брака, рождения новой жизни, продолжения рода. Эта «священная область», по убеждению писателя, и есть собственно священное в человеке, ибо здесь устанавливается его связь с трансцендентной сферой («Связь пола с Богом большая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом»²).

Ребенок, роль Матери и Отца в его рождении – во плоти и духовном – это та живая точка, где мгновенное – земное, здешнее – сливается с вечным – высшей духовной реальностью, именно как **реальностью**. И когда мы «преступаем» здесь, лишая ребенка столь необходимого ему чувства опоры, принадлежности, любви, неколебимой веры и надежды, т.е. того, что по справедливости можно считать базовыми основами его существования, то «преступаем» и в вечном, разрывая свое родство, свою принадлежность духовной реальности.

И тогда дети, на судьбе которых рвется эта тонкая связь, извещают нас о своих, а в сущности – наших общих с ними, утратах. Об **онтологической краже**, ставшей фактом их жизни, они дают знать символическим языком **воровства**, нанося своим близким ущерб в тех наиболее чувствительных точках, где для многих в наши дни концентрируются их «высшие ценности», – материальному благополучию, вещам, воплощающим житейский и душевный комфорт, опредмечивающим разные стороны нашей личности, деньгам, без которых «жить не можем». А чтобы мы распознали сокровенность сообщения, чтобы было, обо что споткнуться, когда будем выносить беспощадные моральные оценки детскому проступку (именно предельный категоризм привычного морального суждения и прибавляет нам слепоты), они изымают из своего прегрешения корень жадного, утилитарного расчета, рядят невольный свой грех в трагически-дурашливый наряд и под

² Там же, с. 92.

отчитывания близких плачут – плачут над собой: мало того, что вор, но еще и такой дурень! Но что-то внутри заставляет их тиражировать свою экзистенциальную «весть», добиваясь все большей доходчивости «языка», поскольку «имеющие уши» все еще не слышат.

Но, кажется, мы стали продвигаться.